

**Грэм Харрингтон**

# **ЗВЕРИНОЕ ЛИЦО АНТИКУЛЬТИЗМА**

**ГОНЕНИЯ НА СВИДЕТЕЛЕЙ ИГОВЫ И  
ЭХО ТОТАЛИТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ  
РОССИИ**

# **ОГЛАВЛЕНИЕ**

ВСТУПЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ЖЕЛЕЗНЫЙ КАТОК

ГЛАВА 2. «СЕКТОВЕД» В КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

ГЛАВА 3. ЗЕРКАЛО РЕЙХА

ГЛАВА 4. КРЕМЛЕВСКИЙ АНТИКУЛЬТИЗМ КАК ОРУЖИЕ  
ГЛОБАЛЬНОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

## ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга начинается с грохота выбиваемой двери. С крика «Всем на пол, работает ФСБ!», разрезающего предрассветную тишину в обычной квартире где-нибудь в Воронеже, Иркутске или Москве. Она начинается с лиц испуганных детей, которых вытаскивают из постели вооруженные люди в масках, с пожилой женщины, у которой в шестой раз за жизнь переворачивают дом в поисках «экстремистской» литературы, и с мужчины, которому в собственном подъезде ломают нос оперативники. Это не сцены из антиутопического романа. Это задокументированная реальность современной России.

С 2017 года, когда Верховный суд РФ одним росчерком пера объявил 175 000 Свидетелей Иеговы «экстремистами», по стране покатился безжалостный «железный каток» репрессий. К началу 2025 года его жертвами стали уже более 900 человек, сотни из которых оказались за решеткой, получив чудовищные сроки — шесть, семь, восемь лет колонии — за преступления, которых они никогда не совершали. Их единственная вина заключалась в том, что они собирались вместе, чтобы читать Библию, петь религиозные песни и молиться своему Богу.

Данная книга — не просто хроника гонений на одну религиозную группу. Это исследование механизмов современного российского тоталитаризма. Это попытка ответить на вопрос: как мирная, аполитичная и законопослушная община, известная во всем мире своим

пацифизмом, смогла в одночасье превратиться в глазах государства во «внутреннего врага», заслуживающего самых жестоких наказаний?

## ГЛАВА 1. ЖЕЛЕЗНЫЙ КАТОК

*«...здесь нужна настоящая и беспощадная борьба в рамках Уголовного кодекса» — Протоиерей Дмитрий Смирнов, 2001*

*Г.*

Рассвет еще не успел окрасить свинцовое небо над сибирским городом, когда тишину спального района разорвал грохот. Тяжелая металлическая дверь квартиры на третьем этаже содрогнулась от удара тарана и с треском слетела с петель. В проем, словно черная река, хлынули люди в масках, камуфляже и с автоматами наперевес. Их крики «Всем лежать! Работает ФСБ!» эхом отразились от стен, где висели семейные фотографии и детские рисунки.

Внутри находилась обычная семья: муж, жена и двое их детей школьного возраста. Их преступление? Они были Свидетелями Иеговы. В этот день, как и в сотнях других по всей России, они стали мишенью государственной машины, которую правозащитники и сами верующие позже назовут «железным катком». Этот каток, запущенный решением суда за тысячи километров отсюда, в Москве, начал свой медленный, но неумолимый путь, перемалывая судьбы, разрушая семьи и криминализируя саму веру. Сцена, развернувшаяся в сибирской квартире, была не исключением, а отработанным до мелочей сценарием, который стал жестокой нормой для десятков тысяч российских граждан.

## **Приговор, вынесенный вере**

Точкой невозврата стало 20 апреля 2017 года. В этот день Верховный суд Российской Федерации, рассмотрев иск Министерства юстиции, вынес решение, которое потрясло не только российских верующих, но и международное правозащитное сообщество. «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все 395 его местных религиозных организаций были признаны «экстремистскими», их деятельность запрещена, а имущество подлежало конфискации в пользу государства.

Юридическая основа для этого решения была настолько шаткой, что казалась выстроенной из абсурда. Министерство юстиции, инициировавшее процесс, не представило ни одного доказательства того, что кто-либо из Свидетелей Иеговы совершил или призывал к совершению насильственных действий. Обвинения строились на крайне избирательной и искаженной трактовке их религиозных текстов и убеждений.

В качестве «экстремизма» суду были представлены следующие тезисы:

**Утверждение об истинности своей веры.** Представители Минюста доказывали, что убежденность Свидетелей Иеговы в том, что их религия является единственно верной, представляет собой «пропаганду исключительности» и «возбуждает религиозную рознь». Этот аргумент, по сути, ставил под сомнение фундаментальное право любой религии на собственную доктрину.

**Отказ от переливания крови.** Давняя и широко известная позиция верующих, основанная на их трактовке Библии, была представлена как посягательство на права человека и угроза общественной безопасности. При этом игнорировался тот факт, что отказ от медицинского вмешательства является суверенным правом взрослого человека, а сами Свидетели Иеговы активно ищут альтернативные, бескровные методы лечения.

**Отказ от военной службы.** Пацифистские убеждения верующих, их отказ брать в руки оружие, что является их конституционным правом и причиной преследований еще в нацистской Германии, были представлены как подрыв основ государственности.

В ходе судебных заседаний, длившихся шесть дней, защита Свидетелей Иеговы представила неопровержимые доказательства мирного характера их деятельности. Адвокаты подчеркивали, что за всю более чем столетнюю историю существования в России ни один Свидетель Иеговы не был обвинен в насильственном преступлении на почве религиозной ненависти. Однако суд отклонил все доводы защиты, включая показания экспертов-религиоведов, и полностью удовлетворил иск Минюста.

Последствия этого решения были стремительными и разрушительными. Одним росчерком пера 175 000 российских граждан были фактически объявлены вне закона. Их право на свободу вероисповедания, гарантированное статьей 28 Конституции РФ, было растоптано. Немедленно начался процесс конфискации имущества. Десятки Залов

Царства — зданий, построенных на добровольные пожертвования верующих, — а также филиальный комплекс под Санкт-Петербургом и другая собственность общей стоимостью в миллиарды рублей были обращены в доход государства.

Но самым страшным последствием стала криминализация самой веры. Решение Верховного суда открыло ящик Пандоры, выпустив на волю машину уголовных репрессий, которая с тех пор не останавливается ни на день.

### **Хроники репрессий**

Запрет 2017 года послужил сигналом для силовых структур по всей стране. Преследование Свидетелей Иеговы было поставлено на поток и приобрело черты хорошо организованной кампании, действующей по отработанному лекалу. Этот конвейер репрессий, как правило, включает в себя несколько этапов.

**Внедрение и провокация.** Всё начинается с тайной оперативной работы. Как свидетельствуют материалы многих уголовных дел и рассказы самих верующих, в общины внедряются секретные агенты силовых структур или провокаторы. Часто это люди, завербованные из числа бывших знакомых или коллег, которые под видом искреннего интереса к Библии начинают посещать встречи верующих. Их задача — собрать «доказательную базу». Они тайно ведут аудио- и видеозапись разговоров, богослужений, совместных молитв и чтения Библии.

В некоторых случаях, как в деле представителя общины Свидетеля Иеговы — датчанина Денниса Кристенсена, ключевым свидетелем обвинения становится так называемый «секретный свидетель», чья личность скрыта даже от суда. В деле Кристенсена таким свидетелем под псевдонимом «Алексей Ермолов» выступил, по данным защиты, местный религиовед Олег Курдюмов, который целенаправленно провоцировал верующих на религиозные беседы. Эти тайно сделанные записи затем монтируются и представляются следствию как доказательство «продолжения деятельности экстремистской организации».

**Рейд.** Следующий этап — силовой. Обычно это происходит ранним утром. В квартиры верующих, где спят дети и пожилые люди, врываются вооруженные сотрудники ФСБ, ОМОНа или Центра по противодействию экстремизму (Центр «Э»). Обыски проводятся с особой жестокостью. В декабре 2024 года в Москве полицейские ломали двери, а одному из верующих, Зауру Муртузову, разбили нос. В июле 2020 года в Воронежской области силовики провели сто десять обысков за один день — крупнейшая подобная акция в новейшей истории России. Изымается все, что может хоть как-то указывать на религиозную принадлежность: Библии, личная техника, дневники, и даже загранпаспорта. С 2017 года по всей России было проведено уже более 2000 подобных рейдов.

**Допросы, пытки и аресты.** После обыска верующих доставляют на допрос. Здесь на них оказывается мощное психологическое давление. Следователи требуют признать

вину, оговорить себя и других единоверцев, угрожают длительными тюремными сроками, проблемами на работе, а иногда и изъятием детей из семьи органами опеки. Тех, кто проявляет стойкость и отказывается от сотрудничества со следствием, часто заключают под стражу. Месяцы, а иногда и годы в следственном изоляторе (СИЗО) становятся еще одним инструментом давления. В камерах, часто переполненных и с плохими санитарными условиями, верующие оказываются оторванными от семей, без адекватной медицинской помощи.

Есть задокументированные свидетельства применения пыток. Верующих избивали, душили, применяли электрошокеры, требуя дать показания против единоверцев. Так, в феврале 2019 года в Сургуте как минимум семь Свидетелей Иеговы подверглись жестоким пыткам в здании Следственного комитета. Их пытали, чтобы получить признания в «экстремистской» деятельности. В 2024 году в Ахтубинске Рината Кирамова пытали, требуя выдать имена других верующих.

**Суд и приговор.** Уголовные дела возбуждаются по статье 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»). Судебные процессы в подавляющем большинстве случаев заканчиваются обвинительным приговором. Судьи игнорируют доводы защиты, отказываются вызывать независимых экспертов и полностью полагаются на сфабрикованные следствием доказательства и показания «секретных свидетелей».

Приговоры поражают своей суровостью:

В 2024 году Александр Чаган из Тольятти получил 8 лет колонии.

В 2021 году к 8 годам колонии были приговорены Рустам Диаров, Сергей Кликунов и Евгений Иванов.

Десятки верующих получили сроки по 6-7 лет. Люди, никогда не державшие в руках оружия и проповедующие мир, отправляются в колонии строгого режима наравне с опасными преступниками.

### **Экстремизм без экстремизма**

Центральный элемент всей кампании преследований — это само понятие «экстремизм», которое в российском законодательстве и правоприменительной практике оказалось растянуто до неузнаваемости. В случае со Свидетелями Иеговы оно достигло своего логического абсурда.

«Экстремизм» Свидетелей Иеговы существует исключительно на бумаге. Ни в одном из сотен уголовных дел нет ни одного потерпевшего, которому верующие причинили бы физический или материальный вред. Их «преступление» — это их вера и мирная практика.

Вот лишь несколько примеров того, что правоохранительные органы и суды трактуют как «экстремистскую деятельность»:

**Совместные молитвы.** Любая встреча верующих, даже по видеосвязи, расценивается как «собрание экстремистской

ячейки». Шон Пайк из Астраханской области был арестован именно за участие в таких видеоконференциях.

**Распространение религиозных убеждений.** Разговор о Библии с соседом или коллегой может быть квалифицирован как «вербовка в экстремистскую организацию».

**Хранение религиозной литературы.** Найденные при обыске Библии, журналы «Сторожевая башня» или другие публикации становятся вещественными доказательствами. Примечательно, что даже «Перевод нового мира» — современный перевод Библии, которым пользуются Свидетели Иеговы по всему миру, — был признан в России «экстремистским материалом» и запрещен, что является беспрецедентным случаем в современной истории.

По сути, государство криминализировало образ мыслей и внутренние убеждения. Человека судят не за то, что он сделал, а за то, во что он верит. Это прямое нарушение не только российских, но и международных норм в области прав человека. Как отметил Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своем решении от 7 июня 2022 года, которым он признал запрет Свидетелей Иеговы в России незаконным, российские власти не представили никаких доказательств того, что религия Свидетелей Иеговы или их публикации содержат призывы к насилию или разжиганию ненависти. ЕСПЧ подчеркнул, что мирное отстаивание своих убеждений, даже если они кажутся большинству неприемлемыми или шокирующими, является неотъемлемой частью свободы совести.

## **Искалеченные судьбы**

За сухими цифрами статистики — сотни арестованных, тысячи обысков, десятки осужденных — стоят живые люди и их личные трагедии. Железный каток репрессий проезжает не по абстрактным «организациям», а по конкретным семьям, ломая жизни и калеча души.

**История Денниса Кристенсена**, датского плотника, жившего в Орле, стала символом этих гонений. В мае 2017 года, всего через месяц после решения Верховного суда, он был арестован прямо во время богослужения. Его обвинили в «организации деятельности экстремистской организации» за то, что он, как один из старейшин, помогал готовить зал к встрече, включал микрофоны и приветствовал приходящих. В феврале 2019 года он был приговорен к шести годам лишения свободы. Его история показала всему миру, что преследованиям подвергаются не только российские граждане, и что любая мирная религиозная деятельность теперь под запретом.

**Семья Алушкиных из Пензы.** Владимир Алушкин был приговорен к шести годам колонии. Его жена и другие верующие из их общины, включая женщин, также получили реальные и условные сроки. Их дети остались без отцов, а жены — без мужей, с клеймом «семей экстремистов». Во время следствия на них оказывалось давление, им угрожали, что если они не откажутся от своей веры, их детей заберут в приют.

**Пожилые и больные.** Репрессии не щадят никого. Уголовные дела возбуждаются против 70- и 80-летних верующих. В Кемеровской области под суд попал верующий с инвалидностью II группы. Эти люди, прожившие честную трудовую жизнь, на старости лет сталкиваются с унижительными обысками, допросами и перспективой провести остаток дней в тюрьме за свои убеждения.

**Смерти в заключении.** Репрессии приводят к реальным смертям. В ноябре 2024 года 68-летний **Александр Лубин** из Кургана, имевший инвалидность, скончался в реанимации через месяц после приговора, проведя почти два месяца в СИЗО. В марте 2024 года в новороссийском СИЗО умер 67-летний **Валерий Байло**, которому, по словам адвоката, отказали в медицинской помощи.

Помимо прямых репрессий — арестов и тюремных сроков — верующие сталкиваются с системной дискриминацией. Внесение в федеральный список «экстремистов и террористов» Росфинмониторинга автоматически означает блокировку всех банковских счетов. Люди не могут получить зарплату, пенсию, оформить пособие или даже оплатить коммунальные услуги. Их увольняют с работы, как только становится известно об их религиозных убеждениях. Их дети подвергаются травле в школах.

Эта кампания, развязанная государством, разрушает не только юридические, но и социальные связи, создавая в обществе атмосферу страха и нетерпимости. Мирная и законопослушная группа граждан была искусственно превращена во «внутреннего врага».

Но как такое стало возможным в России XXI века? Почему государство с такой яростью обрушилось на мирных верующих, никогда не представлявших для него угрозы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, кто и как создавал идеологическое оружие для этой войны. И здесь на авансцену выходит одна ключевая фигура, чье имя неразрывно связано с антисектантским движением в России, и чья деятельность стала теоретическим фундаментом для «железного катка» репрессий.

## ГЛАВА 2. «СЕКТОВЕД» В КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

*«...беспоощадность к «врагам Рейха». Помните фильм «Семнадцать мгновений весны»? Член РАЦИРС должен быть «беспоощаден к врагам Рейха» — Валерий Отставных, бывший член РАЦИРС, о главном критерии для соратников Дворкина*

Если «железный каток» репрессий, прокатившийся по судьбам Свидетелей Иеговы, — это сама машина, то у всякой машины должен быть свой конструктор, свой главный инженер. Человек, который не просто повернул ключ зажигания, но спроектировал двигатель, начертил чертежи и создал топливо, на котором эта машина ненависти смогла набрать свою чудовищную скорость. В истории современных гонений в России у этого инженера есть конкретное имя — Александр Леонидович Дворкин.

Он не генерал ФСБ и не высокопоставленный чиновник из Администрации Президента. Его оружие — не автомат и не наручники, а слово. Слово, облеченное в псевдонаучную форму, усиленное авторитетом церковной кафедры и многократно повторенное государственными СМИ. Именно Дворкин на протяжении трех десятилетий методично строил идеологический фундамент, на котором впоследствии была возведена вся конструкция репрессий против религиозных меньшинств. Он создал язык, на котором государство заговорило со Свидетелями Иеговы, — язык дегуманизации, страха и тотального отрицания их прав. Чтобы понять, как мирная и законопослушная группа из 175 000 человек в

одночасье превратилась во «внутреннего врага» и «экстремистскую организацию», необходимо проанализировать жизненный путь, методы и идеологию этого человека, самопровозглашенного «сектоведа» и крестоносца современной России.

### **Путь от эмигранта до инквизитора**

Биография Александра Дворкина сама по себе является ключом к пониманию его феномена. Родившийся в 1955 году в Москве в семье с еврейскими корнями, он рос в атмосфере советского андеграунда, увлекался движением хиппи и в итоге, разочаровавшись в советской действительности, в 1977 году эмигрировал в Соединенные Штаты. Этот шаг, который для многих диссидентов того времени был прыжком к свободе, для Дворкина стал периодом формирования его будущей миссии.

В США он принимает православие, оканчивает Нью-Йоркский университет и Свято-Владимирскую духовную семинарию — один из центров русского православия за рубежом. Именно там, вдали от родины, он знакомится с западным антикультовым движением, которое в 70-80-е годы переживало свой расцвет. Это движение, возникшее как реакция обеспокоенных родителей на увлечение их детей новыми религиозными течениями, быстро радикализировалось. Его адепты, такие как Рик Росс и Стивен Хассан, практиковали насильственное «депрограммирование» верующих и продвигали идею о «промыывании мозгов» и тотальном контроле сознания в «культах».

Дворкин впитывает эту идеологию. Он находит для себя не просто веру, а врага. И когда в 1991 году, после распада СССР, он возвращается в Россию, он привозит с собой не только американское гражданство и докторскую степень, но и готовую концепцию «священной войны».

Россия начала 90-х представляла собой идеальное поле для деятельности Дворкина. Железный занавес рухнул, и в образовавшуюся мировоззренческую пустоту хлынули самые разные религиозные и философские учения — от протестантских проповедников до восточных гуру. Для Русской православной церкви, только начинавшей восстанавливать свои позиции после десятилетий советских гонений, это многообразие представлялось прямой угрозой ее монополии на «духовное окормление» нации.

Именно в этот момент Дворкин предлагает свои услуги. Он становится тем, кто способен облечь страхи и ксенофобию церковных иерархов в наукообразную, современную и, что самое главное, действенную форму. Он не просто говорит о «еретиках» — он говорит о «тоталитарных сектах», «психокультах», «зомбировании» и «угрозе национальной безопасности». Он переводит средневековый язык борьбы с инакомыслием на язык XX века. В 1993 году при поддержке Московской Патриархии он создает «Информационно-консультационный центр священномученика Ириния Лионского» — свою главную штаб-квартиру, которая на долгие годы станет ядром антисектантского движения в России. Крестовый поход начался.

## **Концепция «тоталитарной секты»**

Главным изобретением Дворкина, его ноу-хау и самым мощным оружием стала концепция «тоталитарной секты». Важно понимать, что этот термин не имеет строгого научного определения в мировом религиоведении. Большинство академических ученых избегают его использования из-за его очевидной оценочности, расплывчатости и пропагандистского характера. Но для Дворкина научная строгость никогда не была целью. Его задачей было создание эффективного ярлыка, клейма, способного мгновенно дегуманизировать любую неуютную группу.

Согласно Дворкину, «тоталитарная секта» характеризуется несколькими ключевыми признаками:

**Обман при вербовке.** Организация якобы скрывает свои истинные цели и учение от новообращенных.

**Контроль сознания («промывание мозгов»).** Использование специальных психотехник для подавления критического мышления и подчинения воли адептов.

**Культ лидера.** Обожествление основателя или руководителя группы, требование беспрекословного подчинения ему.

**Эксплуатация последователей.** Использование членов группы в качестве бесплатной рабочей силы и источника финансовых пожертвований.

**Пропаганда исключительности.** Утверждение об истинности только своего учения.

На первый взгляд, эти критерии могут показаться убедительными. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидной их манипулятивная природа. Большинство этих признаков с легкостью можно применить к любой активной религиозной организации, включая традиционные конфессии. Например, «обман при вербовке» можно увидеть в упрощенной миссионерской проповеди любой религии, не излагающей новообращенному сразу все тонкости своей догматики. «Культ лидера» присутствует в католичестве (культ Папы) или в самом православии (почитание святых и старцев). «Эксплуатация» может быть усмотрена в церковной десятине или призывах к безвозмездному труду во славу Божию.

Но самый абсурдный и опасный пункт — это «пропаганда исключительности». Именно он стал центральным в обвинениях против Свидетелей Иеговы. Их убежденность в истинности своего понимания Библии была представлена как «возбуждение религиозной розни». Этот аргумент, по сути, объявляет преступлением саму природу религиозной веры, которая практически всегда предполагает убежденность в своей правоте.

Дворкин никогда не скрывал дегуманизирующей сути своей концепции. В своих многочисленных интервью и книгах он систематически использовал язык ненависти, сравнивая религиозные меньшинства с паразитами и болезнями:

*«Секты ничего не привносят в общество. Мы не знаем ни одного сектантского писателя, художника, композитора, мыслителя и т. д. Они просто высасывают жизнь из общества,*

*подобно тому, как раковая опухоль высасывает жизнь из организма, пока в конечном итоге не уничтожает его».*

Эта цитата — не просто эмоциональное высказывание, а прямое эхо нацистской пропаганды. Именно такими словами нацистские идеологи, как Вальтер Кюннет, описывали евреев, называя их «инородной клеткой в теле германской нации», которую необходимо искоренить. Создавая образ «раковой опухоли», Дворкин подводил своих слушателей к единственно возможному выводу: опухоль можно только вырезать. «Беспощадная борьба в рамках Уголовного кодекса», о которой говорил его соратник протоиерей Дмитрий Смирнов, становилась логичным и даже необходимым шагом.

Таким образом, концепция «тоталитарной секты» стала идеальным инструментом для репрессий. Она позволила:

**Стигматизировать.** Навесить на любую группу ярлык, вызывающий страх и отторжение.

**Дегуманизировать.** Представить верующих не как людей с иными убеждениями, а как «зомби», «жертв» или «опасных фанатиков», лишенных собственной воли.

**Обойти закон.** Подменить юридический анализ религиозной деятельности псевдопсихологическими и конспирологическими обвинениями, которые практически невозможно опровергнуть в суде.

Когда в 2017 году Министерство юстиции РФ вышло в Верховный суд с иском о запрете Свидетелей Иеговы, вся его аргументация была практически дословно списана с

методичек Дворкина. Он предоставил государству не просто идею, а готовый язык обвинения.

### **РАЦИРС: «Внутренняя служба безопасности» в рясах**

Для ведения своей «священной войны» Дворкину нужна была организационная структура. Ею стала Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), объединившая под его руководством сеть региональных «антисектантских» центров, как правило, действующих на базе епархий РПЦ. Формально РАЦИРС является общественной организацией, занимающейся «изучением» и «консультированием». Но на практике, как свидетельствуют ее бывшие члены, это скорее спецслужба, действующая методами оперативной разработки и идеологической диверсии.

Одним из свидетельств, раскрывающим подлинную суть РАЦИРС, является откровенное интервью Валерия Отставных, журналиста и бывшего руководителя миссионерского отдела Рязанской епархии, который несколько лет тесно сотрудничал с Дворкиным. Его рассказы — это взгляд изнутри машины, лишенный пропагандистского глянца.

По словам Отставных, РАЦИРС — это никакая не научная организация. Ее главная цель — не изучение, а борьба.

*«Вы знаете, это не научная организация. Она не занимается изучением религий и сект, несмотря на свое название... В действительности это внутренняя служба безопасности церкви. Никакой научной работы там нет и в помине».*

Чем же занимаются сотрудники этой «службы безопасности»? Они ведут тотальную слежку за инакомыслящими. Отставных описывает, как его коллеги собирали компромат на религиозные группы в своем регионе. Это был не научный анализ доктрин, а сбор унижительных бытовых подробностей, доносов и слухов.

*«Мой бывший коллега Алексей очень любит собирать такие данные для базы. Например, на той самой конференции, где у меня произошла небольшая пикировка с Александром Дворкиным, Алексей тоже выступал с докладом. Он подробно рассказывал: "Вот в нашей области, в таком-то городе есть такая-то община, такой-то пастор. Дом у него такой-то, квартира такая-то, балкон такой-то, а на балконе у него висит то-то и то-то..."»*

Отставных вспоминает, как местный епископ «взялся за голову и хвастался перед Дворкиным, какие у нас крутые профессионалы, которые знают, какого цвета трусы сушатся на балконе у местного пастора-протестанта».

Этот гротескный пример — сбор информации о нижнем белье — как нельзя лучше иллюстрирует методы и цели организации. Это не религиоведение, это оперативная работа, направленная на унижение, запугивание и создание компромата. Именно эти «базы данных», наполненные слухами и домыслами, затем ложились в основу «экспертных заключений» для судов и правоохранительных органов.

Но самое важное, что раскрывает Отставных, — это главный кадровый принцип Дворкина. На вопрос о том, какими

качествами должен обладать человек, чтобы его приняли в РАЦИРС, ответ был коротким и исчерпывающим:

*«Беспоощадность к "врагам Рейха"».*

Эта фраза, отсылающая к знаменитому советскому фильму о Штирлице, обнажает суть идеологии Дворкина. Он строил не научную школу, а нацистский орден борцов, для которых объективность и беспристрастность — ненужные качества. Нужна была идеологическая убежденность и готовность к «беспоощадной борьбе».

### **Как Дворкин подчинил себе чиновников и силовиков**

Одной идеологии и группы фанатичных последователей было бы недостаточно для запуска государственной машины репрессий. Ключевым фактором успеха Дворкина стало выстраивание прочного симбиоза между его антисектантской структурой, Русской православной церковью и российскими силовыми ведомствами. Он сумел стать незаменимым звеном, связывающим интересы всех трех сторон.

### **Альянс с государством и спецслужбами.**

Дворкин очень быстро понял, что для реального влияния ему нужен административный ресурс. И он его получил. Одним из его учеников в Свято-Тихоновском университете был не кто иной, как **Александр Коновалов**, будущий министр юстиции РФ (2008–2020). Именно Коновалов создал при Минюсте **Экспертный совет по проведению**

**государственной религиоведческой экспертизы, в который вошли Дворкин и другие члены РАЦИРС.**

Это был гениальный ход. С этого момента Дворкин получил возможность готовить официальные «экспертные заключения» от имени государственного органа. Его частное мнение, пропитанное идеологической ненавистью, обрело статус официального документа, который суды и прокуратура принимали как истину в последней инстанции.

Связь с силовыми структурами была еще более тесной и неприкрытой. Валерий Отставных подробно описывает, как проходили визиты Дворкина в регионы. Обязательным пунктом программы всегда была встреча с представителями власти и силовиками.

*«Когда Александр Дворкин приезжает и составляется программа его пребывания, он просит, чтобы одним из пунктов обязательно была встреча с местной администрацией либо сбор глав районных администраций, представителей правоохранительных органов, ФСБ, МВД и так далее... Для него это очень важно — встретиться с теми людьми, которые принимают решения в регионе».*

И явка на эти встречи была отнюдь не добровольной. Организацией занимались епархиальные управления, которые использовали авторитет церкви и административный ресурс.

*«Здесь срабатывает авторитет Церкви и Московской Патриархии. Когда оттуда раздается звонок: "С благословения местного митрополита приезжает профессор*

*из Москвы Александр Дворкин, который встретится с главами районных администраций, просим обеспечить явку в такое-то время", — от этого администрация отказаться не может».*

На этих закрытых встречах происходил «обмен информацией». Дворкин получал от силовиков оперативные данные, а взамен давал им идеологические установки и готовые формулировки для будущих дел. Это поразительно напоминает практику нацистской Германии, где «Апологетический центр» Вальтера Кюннета тесно сотрудничал с гестапо. Кюннет в своих отчетах с гордостью писал:

*«Гестапо выразило огромный интерес к архивам по культам Апологетического центра... Гестапо выразило желание в будущем вести борьбу с нелегальным свободомыслием совместно с Апологетическим центром. Обмен материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался».*

История повторилась с пугающей точностью. Дворкин, как и Кюннет, поставлял силовикам идеологическое оружие и списки «врагов», а силовики обеспечивали ему защиту и реализацию его идей на практике.

### **Власть внутри Церкви**

Парадоксально, но Дворкин сумел обрести огромную власть и внутри самой РПЦ. По словам Отставных, РАЦИРС стала восприниматься епископами как «внутренняя служба безопасности, которая напрямую подчиняется Патриархии».

Хотя формально это нигде не было прописано, действия и позиция Дворкина стали считаться позицией самого Патриарха.

*«Я никогда не видел, чтобы кто-то из архиереев поставил Дворкина или РАЦИРС на место или попытался с ними спорить или конфликтовать. Ни предыдущий Патриарх, ни нынешний, насколько мне известно, этого не делали».*

Дворкин и его структура стали настолько влиятельны, что могли инициировать гонения даже на канонических православных священников, если их деятельность выходила за рамки установленной им «идеологической однородности». Ярчайший пример — дело **священника Владимира Головина** из города Болгар. Его популярные проповеди и своеобразная манера служения привлекли тысячи последователей, что было воспринято Дворкиным как создание «настоящей секты» внутри православия.

Именно Дворкин поручил своему заместителю по РАЦИРС, протоиерею Александру Новопащину, подготовить доклад, который был зачитан в Храме Христа Спасителя и послужил началом кампании по дискредитации Головина. В итоге, под давлением этой кампании, церковный суд лишил Владимира Головина и его сына сана. Этот случай наглядно продемонстрировал: машина, созданная Дворкиным для борьбы с «внешними врагами», с той же беспощадностью работала и против «внутренних». Он стал инквизитором, которого боялись даже свои.

## **Идеологический архитектор репрессий**

Таким образом, к моменту принятия рокового решения Верховного суда в 2017 году в России уже была полностью сформирована и отлажена идеологическая машина для подавления любого религиозного инакомыслия. Александр Дворкин был ее главным архитектором.

Он **создал концептуальное оружие** — ядовитый и псевдонаучный ярлык «тоталитарной секты», позволяющий дегуманизировать любую группу и вывести ее за рамки правового поля.

Он **построил организационную структуру** — сеть центров РАЦИРС, которая работала как спецслужба, занимаясь сбором компромата, составлением «черных списков» и идеологической обработкой.

Он **сформировал ключевой альянс** — прочный симбиоз с силовыми структурами и государственными органами, получив административный ресурс и возможность влиять на судебные решения.

Он **добился непререкаемого авторитета** внутри РПЦ, превратив свою личную борьбу в часть церковной политики.

Когда благодаря хорошо проведенной антикультовой компании по дегуманизации было решено нанести сокрушительный удар по Свидетелям Иеговы — самой крупной и организованной из «нетрадиционных» для России религиозных групп — ничего не нужно было изобретать. Весь инструментарий для этой репрессивной машины уже был готов. Нужно было лишь взять сфабрикованные экспертизы

Дворкина, и запустить «железный каток», который он так долго и тщательно конструировал. Дворкин дал власти не просто повод, а легитимность — иллюзию того, что гонения на 175 000 мирных граждан являются не актом произвола, а необходимой мерой по защите общества от «опасной раковой опухоли». Идеологическая почва для массовых репрессий была подготовлена.

### ГЛАВА 3. ЗЕРКАЛО РЕЙХА

*«История не повторяется, но она рифмуется».*

*— Марк Твен (атрибутировано)*

Когда машина государственного террора набирает обороты, она редко изобретает новые колеса. Чаще всего она сдувает пыль со старых, ржавых, но до ужаса эффективных механизмов, проверенных временем и другими тоталитарными режимами. История гонений на Свидетелей Иеговы в современной России — это не трагическая случайность и не уникальное стечение обстоятельств. Это пугающе точное, почти зеркальное отражение событий, разворачивавшихся почти веком ранее в самом сердце Европы, когда к власти в Германии пришла Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Чтобы понять глубину этой рифмы, недостаточно просто указать на сам факт преследований. Необходимо рассмотреть обе репрессивные системы — нацистскую и современную российскую — и сравнить их на уровне идеологических чертежей, законодательных рычагов и практических методов. Такое сравнение обнажает страшную правду: гонения на Свидетелей Иеговы в России XXI века не просто похожи на то, что делали нацисты. Они сконструированы по тем же самым лекалам, с использованием той же логики дегуманизации, с опорой на те же институты и с той же конечной целью — полное уничтожение инакомыслия как явления.

## **Чертеж первый: идеологическая машина**

Любые массовые репрессии начинаются не с арестов, а со слова. Прежде чем за человеком придет полиция, в общественное сознание должен быть внедрен его образ как «врага». Необходимо создать язык, на котором его дегуманизация будет звучать не как преступление, а как социальная гигиена. В нацистской Германии и в современной России эту задачу выполняли поразительно схожие структуры.

### **«Апологетический центр» Третьего рейха: прототип РАЦИРС**

В 1921 году, задолго до прихода Гитлера к власти, в недрах протестантской церкви Германии был создан «Апологетический центр» (Apologetische Centrale). Изначально его целью была защита лютеранства от новых религиозных течений. Однако с приходом к власти нацистов в 1933 году этот центр, возглавляемый пастором Вальтером Кюннетом, быстро нашел свое истинное призвание. Он стал главным идеологическим подрядчиком нового режима в борьбе с «сектами» и религиозными меньшинствами.

Кюннет и его центр выполняли три ключевые функции:

**Создание идеологии.** Они разрабатывали псевдобогословские и псевдонаучные аргументы, доказывающие, что такие группы, как Свидетели Иеговы (*Bibelforscher*), являются «еврейско-американским заговором», «подрывными элементами» и «угрозой немецкой

расе». Кюннет писал, что иудаизм – это «инородная клетка в теле германской нации», которую необходимо искоренить. Точно так же он описывал и другие неугодные группы.

**Сбор информации.** «Апологетический центр» вел обширную картотеку на «сектантов», собирая о них любую информацию, составляя списки лидеров и активных членов.

**Сотрудничество с карательными органами.** Этот центр стал главным поставщиком «экспертных» данных для гестапо.

Церковная по форме структура стала частью государственной машины террора. Она давала гестапо не просто списки, а «богословское» и «научное» оправдание для арестов, пыток и казней.

Теперь перенесемся в Россию конца XX — начала XXI века. Место «Апологетического центра» занимает Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), созданная и бессменно возглавляемая Александром Дворкиным. Как мы подробно разобрали в предыдущей главе, сходство функций и методов поражает:

**Создание идеологии.** Вместо «угрозы арийской расе» Дворкин вводит понятие «**тоталитарной секты**» и «угрозы национальной безопасности». Его риторика — прямое эхо заявлений Кюннета. Сравним:

**Вальтер Кюннет.** Евреи и сектанты — «инородная клетка в теле нации».

**Александр Дворкин.** Секты — «раковая опухоль, высасывающая жизнь из организма общества».

Смысл и цель высказываний идентичны: представить группу как нечто чужеродное, паразитическое, нечеловеческое, подлежащее хирургическому удалению.

РАЦИРС, по свидетельству ее бывшего члена Валерия Отставных, занимается не наукой, а сбором компромата, вплоть до «цвета белья на балконе у пастора». Эта деятельность — точная копия ведения картотек «Апологетическим центром».

Дворкин и его соратники стали незаменимыми «экспертами» для ФСБ, Центра «Э» и прокуратуры. Их «заключения», лишенные научной объективности и полные идеологической ненависти, ложатся в основу судебных запретов и уголовных дел. Встречи Дворкина с силовиками в регионах, куда чиновников сгоняют в обязательном порядке, — это современная версия «обмена материалами», о котором с гордостью писал Кюннет.

Идеологическая преемственность прослеживается и в кадровом принципе. Главное качество для соратника Дворкина, по словам Отставных, — «беспоощадность к врагам Рейха». Эта фраза, брошенная как цитата из фильма, на самом деле вскрывает суть: обе структуры, нацистская и российская, строятся не на принципах исследования, а на принципах идеологической войны, где нет места объективности и состраданию.

## **Чертеж второй: Законодательная гильотина**

Идеология должна быть облечена в форму закона. Чтобы репрессии выглядели не как произвол, а как правосудие, необходимо создать или адаптировать законодательство таким образом, чтобы оно позволяло уничтожать неугодных под видом защиты государства.

### **Нацистская Германия: от чрезвычайных указов до тотального контроля**

В Германии этот процесс был стремительным.

**28 февраля 1933 г.:** после поджога Рейхстага издается «Указ о защите народа и государства». Он отменяет базовые гражданские свободы: свободу слова, собраний, неприкосновенность частной жизни и жилища. Этот указ стал юридическим основанием для первых массовых арестов политических оппонентов и Свидетелей Иеговы.

**1 апреля 1933 г.:** деятельность Свидетелей Иеговы запрещается в большинстве земель Германии.

**1935 г.:** принимается закон, криминализирующий отказ от военной службы. Это напрямую ударяет по Свидетелям Иеговы, которые из-за своих убеждений отказывались служить в армии.

**1938 г.:** публикуется «Руководство по борьбе с сектами» (*Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens*). Этот секретный приказ для служб безопасности (СД) систематизировал преследования. В нем перечислялись «опасности» сект, среди которых: «отказ от немецкого приветствия», «отказ от военной службы»,

«интернациональные связи» и «противодействие национал-социалистической расовой теории».

Нацистская правовая система создала ловушку: сначала общие законы отменяли права, а затем специальные акты криминализировали конкретные аспекты веры и практики Свидетелей Иеговы.

### **Современная Россия: гибкий «экстремизм»**

В России пошли более изощренным путем. Вместо создания новых чрезвычайных законов был адаптирован уже существующий **Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 114-ФЗ)**. Изначально принятый для борьбы с политическим радикализмом и неонацизмом, этот закон благодаря своим расплывчатым формулировкам стал идеальным инструментом для подавления любого инакомыслия.

Ключевым пунктом, который был использован против Свидетелей Иеговы, стала формулировка об «экстремизме» как «пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его... религиозной принадлежности».

Именно эту фразу «эксперты» вроде Дворкина и следователи научились трактовать с дьявольской изобретательностью. Убежденность Свидетелей Иеговы в истинности своего учения была приравнена к «пропаганде превосходства». Любая критика других религий, основанная на цитатах из Библии, — к «возбуждению розни».

Таким образом, произошло то же, что и в Германии:

**Криминализация веры:** Сам факт убежденности в своей правоте стал преступлением.

**Криминализация практики:** Отказ от переливания крови был представлен как «угроза жизни», хотя является личным выбором совершеннолетних граждан. Политический нейтралитет и отказ от службы в армии (с готовностью к альтернативной гражданской службе) были интерпретированы как «угроза основам конституционного строя». Мирная проповедь стала «вовлечением в деятельность экстремистской организации».

### **Чертеж третий: Репрессивная практика**

Когда идеология создана, а законы приняты, в дело вступают исполнители. И здесь сходство методов поражает до жути. Оно проявляется во всем: от языка протоколов до жестокости обысков.

Сравним пошагово действия карательных органов нацистской Германии и современной России. Это не просто сухой перечень фактов, а свидетельство о том, как государства, разделенные десятилетиями, используют аналогичные инструменты для подавления инакомыслия, превращая закон в оружие и страх в повседневность.

Законодательная основа режимов Нацистской Германии с 1933 по 1945 год и Современной России служит фундаментом, на котором строится вся машина подавления. В Нацистской Германии указы о чрезвычайном положении и законы, криминализирующие отказ от службы, позволяли

властям объявлять любого неугодного угрозой для нации, облекая произвол в одежды легитимности. Аналогично, в Современной России Закон «О противодействии экстремистской деятельности» (114-ФЗ) и статья 282.2 Уголовного кодекса предоставляют правовую ширму для преследования тех, кого государство сочтет опасными, маскируя репрессии под заботу о безопасности.

Ключевые обвинения, словно ярлыки, навешиваемые на жертв, подчеркивают идеологическую суть этих систем. В гитлеровской Германии людей клеймили как «врагов государства», «подрывные элементы» или угрозу «чистоте расы», что оправдывало их изоляцию и уничтожение в глазах общества. В сегодняшней России эхом отзываются ярлыки «экстремистов» и тех, кто якобы подрывает «безопасность и конституционный строй», превращая несогласие в преступление против государства.

Методы сбора доказательств раскрывают паутину слежки и предательства, сплетенную для ловли неугодных. В Нацистской Германии доносы, тайная слежка и внедрение агентов гестапо сеяли семена паранойи, где каждый сосед мог стать палачом. В современной России эта паутина оживает через «секретных свидетелей» — агентов ФСБ и Центра «Э» (Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел РФ), — а также через скрытые аудио- и видеозаписи богослужений, где даже молитва может стать уликой.

Процедура арестов несет в себе элемент ужаса, рассчитанного на слом воли. По директиве Гейдриха

(Документ D-59) в Германии рейды гестапо обрушивались на рассвете, между семью и девятью утрами, с обысками, конфискацией имущества и арестами, что сеяло панику и беспомощность. В России эта драма повторяется в типичной схеме: спецназ врывается в шесть утра, применяя силу во время обысков, изымая все ценное и уводя в наручниках, оставляя за собой руины нормальной жизни.

Обращение с задержанными обнажает самые темные грани человеческой жестокости. В гестаповских камерах Германии пытки вырывали признания и имена единоверцев, расширяя круг жертв в бесконечной спирали. В России, как показывают задокументированные случаи в Сургуте, Ахтубинске и других местах, пытки служат той же цели — сломать дух, заставить оговорить друзей и близких, превращая боль в инструмент контроля.

Судебные процессы в обеих эпохах предстают фарсом справедливости, где вердикт предreshен. В Нацистской Германии показательные суды в «Народной судебной палате» опирались на идеологическую целесообразность, отменяя реальные доказательства в угоду режиму. В России суды следуют обвинительному уклону, игнорируя аргументы защиты и полагаясь на мнения «карманных» экспертов да показания тех же «секретных свидетелей», что делает приговор неизбежным.

Наказания, венчающие эту цепь, несут в себе финальный удар по человеческому достоинству. Концентрационные лагеря, тюрьмы и смертная казнь в Германии обрекали тысячи на забвение. В России длительные сроки в колониях,

жестокие пытки, астрономические штрафы, принудительные работы и даже смерти в СИЗО из-за отсутствия медицинской помощи продолжают эту традицию, где наказание становится формой медленного уничтожения.

Маркировка «врага» — это клеймо, что изолирует от общества навсегда. Фиолетовый треугольник на робе узников в нацистских лагерях обозначал их как изгоев, лишенных прав. В России включение в федеральный перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга блокирует счета и обрекает на социальный остракизм, где каждый аспект жизни становится борьбой.

Наконец, давление на семьи разрывает последние узы человечности. В Германии детей изымали для «перевоспитания» в нацистском духе, сея раздор в самом сердце дома. В России угрозы органов опеки изъять детей и психологическое давление на родственников служат той же цели, превращая семью в поле битвы и усиливая изоляцию жертвы.

### **Директива Гейдриха и решение Верховного суда РФ**

Самым убедительным доказательством копирования является сравнение текстов директив. Возьмем **Директиву Рейнхарда Гейдриха от 1937 года** (Нюрнбергский документ D-59), которая регламентировала подавление «сект»:

*«...Принять немедленные меры против... организаций, клубов, ассоциаций... Все организации... должны быть*

*ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование... и любое существующее имущество должны быть конфискованы; они должны быть распущены и запрещены; одновременные обыски должны быть проведены в домах ведущих членов и подозреваемых... Лица... должны быть арестованы во всех случаях... их деятельность должна быть запрещена под угрозой самых суровых мер со стороны государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в концентрационный лагерь...»*

А теперь посмотрим на последствия решения Верховного суда РФ от 20 апреля 2017 года:

*«Ликвидировать религиозную организацию „Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России“ и входящие в ее структуру местные религиозные организации...» (ср. «должны быть ликвидированы»).*

*«Обратить в собственность Российской Федерации имущество ликвидируемой религиозной организации...» (ср. «любое существующее имущество должно быть конфисковано»).*

На основании этого решения по всей стране начались массовые обыски и аресты ведущих членов и рядовых верующих (ср. *«обыски должны быть проведены в домах ведущих членов... лица... должны быть арестованы»*).

Обвиняемые отправляются в СИЗО, а затем в колонии (сравните *«отправлены в концентрационный лагерь»*).

Методология, язык и конечный результат практически идентичны. Разница лишь в терминах и масштабах, но не в

сути. Современная антикультовая российская система подавления является более «гибридной» и менее откровенной, но ее внутренняя логика полностью скопирована с нацистского образца.

Как видно из приведённых фактов, история гонений на Свидетелей Иеговы в нацистской Германии — это не просто трагическая страница прошлого. Это предостережение. Фиолетовый треугольник, который нашивали на их лагерную робу, был первым в череде других зловещих символов. Нацисты оттачивали свои репрессивные технологии на относительно небольшой и беззащитной группе, чтобы затем применить их в масштабах всей Европы.

Сегодня в России происходит нечто подобное. Свидетели Иеговы снова стали первым «полигоном». На них обкатывается и совершенствуется антикультовая машина подавления, которая криминализирует не действия, а убеждения. Инструменты, созданные для борьбы с ними — расплывчатый закон об экстремизме, система «экспертных» доносов, практика секретных свидетелей и пыток, — уже сейчас начинают применяться против других групп: оппозиционных активистов, независимых журналистов и всех, кто осмеливается мыслить иначе.

Зеркало Рейха, в которое сегодня смотрится российская репрессивная система, отражает не только ее прошлое, но и ее будущее. И это будущее грозит бедой не только Свидетелям Иеговы. Когда антикультовые представители имеют право решать, какая вера «правильная», а какая «экстремистская», открывается ящик Пандоры. И тогда

фиолетовый треугольник становится предупреждением для всего общества: сегодня они пришли за Свидетелями Иеговы. Завтра они придут за вами.

## ГЛАВА 4. КРЕМЛЕВСКИЙ АНТИКУЛЬТИЗМ КАК ОРУЖИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

*«Идеологии, как и вирусы, не признают государственных границ. Зародившись в одной политической системе, самые заразные из них неизбежно ищут новых носителей, мутируют и адаптируются, превращаясь из внутренней болезни в глобальную пандемию».*

*— Из трудов современного политолога*

«Железный каток», обкатанный на 175 000 Свидетелей Иеговы, никогда не предназначался исключительно для внутреннего пользования. Его чертежи, идеологическое топливо и технологии подавления оказались слишком ценным и универсальным товаром, чтобы держать его под замком. В мире, раздираемом гибридными войнами и борьбой за сферы влияния, ненависть стала таким же экспортным ресурсом, как нефть или газ.

Идеология, созданная и отточенная Александром Дворкиным и его покровителями, вырвалась за пределы России. Она превратилась в гибкий инструмент внешней политики, многоцелевое оружие, способное решать сразу несколько стратегических задач: от дискредитации западных демократий и поддержки союзных авторитарных режимов до создания лояльных лоббистских структур в самом сердце Европы.

## **«Франшиза» на репрессии: экспорт российской модели подавления**

Любой успешный продукт стремятся масштабировать. Российская модель борьбы со Свидетелями Иеговы оказалась именно таким «продуктом»: эффективным, технологичным и легко адаптируемым. Она представляет собой готовую «франшизу на репрессии», которую Дворкин и его идеологические союзники активно продвигают на международной арене. Эта модель состоит из нескольких ключевых компонентов, которые делают ее привлекательной для других авторитарных и «суверенных» режимов.

### **Компоненты «франшизы»:**

**Псевдонаучное обоснование.** Концепция «тоталитарной секты» и «деструктивного культа», разработанная Дворкиным, позволяет любому правительству избежать прямых обвинений в нарушении свободы совести. Вместо того чтобы говорить «мы преследуем людей за их веру», они получают возможность заявить: «мы защищаем общество от опасного психологического воздействия, манипуляций и угрозы национальной безопасности». Это современная, наукообразная ширма для старых, как мир, гонений.

**Гибкое законодательство об «экстремизме».** Российский опыт показал, как можно использовать расплывчатые антиэкстремистские законы для подавления любой неудобной группы. Утверждение об истинности своей веры приравнивается к «пропаганде исключительности», а отказ от практик (переливание крови, служба в армии) — к «угрозе

общественной безопасности». Этот юридический трюк легко воспроизвести в любой стране, желающей усилить контроль над гражданским обществом.

**Симбиоз государства, спецслужб и доминирующей религии.** Антикультовая модель Дворкина основана на тесном союзе некоторых представителей власти, ФСБ и Русской православной церкви. Этот «треугольник» обеспечивает тотальный контроль: церковь дает идеологическую легитимность, спецслужбы — силовое прикрытие, а государство — административный и законодательный ресурс. Для многих стран, где существует одна доминирующая религия (например, ислам в Центральной Азии), такая модель является образцом для подражания.

**Технологии дискредитации и провокаций.** Методы, отработанные антикультистами в России, — внедрение «секретных свидетелей», тайная аудио- и видеозапись богослужений, фабрикация «доказательств» — представляют собой готовый набор оперативных инструментов для представителей антикультовой сети Дворкина в других странах.

Эта «франшиза» активно экспортируется по разным каналам, через деятельность самого Дворкина и его организации РАЦИРС, которые проводят лекции и «консультации» для силовиков и чиновников в странах ближнего зарубежья.

Ярким примером такого экспорта является ситуация в **Центральной Азии**. В таких странах, как **Таджикистан** и

**Узбекистан**, деятельность Свидетелей Иеговы также запрещена или строго ограничена. Местные власти используют риторику, поразительно схожую с риторикой российских антикультистов, говоря об «угрозе традиционным ценностям» и «незаконной миссионерской деятельности». Российский прецедент дал им готовую и апробированную схему действий.

### **Антикультизм как геополитическое оружие: от «внутреннего врага» к «внешней угрозе»**

Антикультовая риторика — это не только инструмент для зачистки внутреннего поля, но и эффективное оружие в глобальной информационной войне против внешних врагов. Логика этого оружия проста и цинична: обвинить противника в том, что делаешь сам.

Представители российской антикультовой сети и официальные лица начали активно продвигать нарратив, согласно которому религиозные меньшинства, особенно те, что имеют международные связи и происхождение (Свидетели Иеговы, сайентологи, различные протестантские группы), являются не чем иным, как «пятой колонной» и инструментами «мягкой силы» США и Европы. Их цель, согласно этой теории заговора, — подорвать «духовные скрепы», традиционные ценности и, в конечном счете, государственность России и ее союзников.

*«Секты ничего не привносят в общество. [...] Они просто высасывают жизнь из общества, подобно тому, как раковая*

*опухоль высасывает жизнь из организма, пока в конечном итоге не уничтожает его» — Александр Дворкин.*

Эта цитата, как мы помним из второй главы, является краеугольным камнем его идеологии. Но в геополитическом контексте «раковая опухоль» перестает быть просто метафорой. Она становится синонимом враждебного западного влияния.

Кульминацией этой геополитической риторики стали заявления Дворкина и других идеологов «Русского мира» в отношении Украины. Задолго до полномасштабного вторжения 2022 года они начали формировать образ Украины как «государства-секты».

В 2013-2014 годах Дворкин утверждал, что Евромайдан был организован и управлялся «тоталитарными сектами» (в частности, сайентологами и неопятидесятниками), которые якобы контролировали ключевых украинских политиков, включая Александра Турчинова.

Позже эта риторика была расширена. Украина целиком была представлена как искусственное образование, оторванное от своих «истинных» православно-русских корней и попавшее под тотальный контроль «западных деструктивных культов».

Таким образом, борьба с «сектами» внутри России органично перетекла в идеологическое обоснование агрессии против соседнего государства. Запрет Свидетелей Иеговы и других групп в России подавался как мера по защите от того самого «тлетворного влияния», которое якобы полностью поглотило Украину.

Более того, этот же прием используется и для дискредитации Европы. В своих недавних выступлениях Дворкин и его последователи стали называть современную Европу «тоталитарной сектой», которая навязывает миру «гендерную идеологию», «культуру отмены» и другие «деструктивные» ценности.

Этот прием позволяет достичь нескольких целей:

Оправдать внутренние репрессии. Гонения на меньшинства подаются как необходимая оборона от внешней угрозы.

Дискредитировать противника. Любые обвинения со стороны Запада в нарушении прав человека парируются встречным обвинением: «Вы сами являетесь сектой и спонсируете секты для нашего уничтожения».

Мобилизовать население. Создается образ «осажденной крепости», которую атакуют не только военными, но и идеологическими, «сектантскими» методами.

Эта риторика нашла свое высшее выражение в «Наказе» XXV Всемирного русского народного собора от марта 2024 года, где вторжение в Украину было названо «Священной войной», а Россия — «Удерживающим», который защищает мир от «натиска глобализма и победы впавшего в сатанизм Запада». Борьба с «сектами» стала неотъемлемой частью этой новой священной войны.

**Троянский конь в Европе: роль FECRIS в продвижении кремлевской повестки**

Для экспорта своей идеологии и придания ей легитимности на международной арене России была необходима респектабельная европейская площадка. Таким «троянским конем» стала **Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS).**

FECRIS — это зонтичная организация, базирующаяся во Франции и объединяющая десятки «антикультовых» ассоциаций по всей Европе. Формально ее цели благородны: информирование общества об опасности «сектантских отклонений» и помощь жертвам «культов». Однако на практике FECRIS на протяжении многих лет является одним из главных лоббистов репрессивного подхода к религиозным меньшинствам и тесно связана с российскими антикультовыми структурами.

Ключевым доказательством этой связи является тот факт, что вице-президентом FECRIS долгие годы был не кто иной, как Александр Дворкин. Его присутствие в руководстве европейской организации придавало его деятельности и заявлениям международный вес. Через FECRIS российская антикультовая модель получила «знак качества» и распространялась по всей Европе.

В официальных заявлениях организация FECRIS позиционирует себя как защитника прав человека, независимого исследователя и помощника жертв деструктивных движений. Однако анализ её реальной деятельности показывает существенное расхождение между заявленными целями и практикой.

Под лозунгом «информирования общества» организация занимается распространением дегуманизирующей и псевдонаучной риторики о «промывании мозгов», «ментальных манипуляциях» и «деструктивных культах», копируя лексику Александра Дворкина.

Заявляя о «защите прав человека», FECRIS на деле лоббирует принятие законов, ограничивающих свободу совести, и поддерживает государственные репрессии против религиозных меньшинств. Более того, организация систематически выступает в поддержку действий российских властей в этой сфере.

Под видом «независимого исследования» FECRIS отказывается от диалога с академическими религиоведами, которые критикуют термин «секта» как ненаучный и предвзятый, и продвигает исключительно одну — обвинительную — точку зрения.

Заявленная цель «помощи жертвам» на практике реализуется через поддержку сомнительных и нередко насильственных практик «депрограммирования», которые осуждаются большинством психологов и правозащитников.

**Методы работы FECRIS.** FECRIS активно использует свой статус для влияния на международные институты, такие как ООН, ОБСЕ и Совет Европы. Представители федерации регулярно участвуют в их мероприятиях, представляя свои предвзятые доклады и пытаясь убедить мировое сообщество в необходимости жестких мер против «культиков». Таким образом, голос Дворкина и кремлевская повестка звучат с

высоких международных трибун, но уже под европейским флагом.

Особую тревогу вызывает сотрудничество FECRIS не только с Россией, но и с Китаем. Как и российские сектоведы, FECRIS активно участвует в кампании по демонизации движения Фалуньгун, полностью игнорируя доказательства жестоких преследований его последователей в КНР, включая пытки и насильственное извлечение органов. Это демонстрирует, что FECRIS является союзником не демократических ценностей, а авторитарных режимов, которые используют борьбу с «сектами» для подавления любого инакомыслия.

Деятельность FECRIS неоднократно подвергалась критике со стороны правозащитных организаций и даже Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), которая указывала на распространение федерацией дезинформации и разжигание нетерпимости. Однако, получая финансирование, в том числе от французского правительства, FECRIS продолжает свою работу, оставаясь ключевым элементом в международной сети ненависти.

## **Эффект домино**

Решение Верховного суда РФ о запрете Свидетелей Иеговы в 2017 году имело далеко идущие последствия не только для России, но и для всего мира. «Борцам» с сектами и культами, — удалось успешно проманипулировать государством и силовыми структурами, чтобы полностью ликвидировать деятельность этой организации под предлогом

«экстремизма». Впервые в постсоветской истории крупное религиозное течение с мирной репутацией ненасилия было запрещено в большой стране, что создало опасный международный прецедент.

Это решение послужило сигналом для представителей антикультовой сети Дворкина в других странах: «Так можно». Оно продемонстрировало, что можно добиться тотального подавления религиозных групп, а международная реакция окажется формальной и без эффективных последствий. Никаких серьезных санкций или реального давления на Россию не последовало.

Таким образом, был запущен «эффект домино», где антикультисты получили мощный инструмент для подрыва демократических норм и нарушения прав человека в других странах.

В странах, находящихся в сфере влияния России (особенно в Центральной Азии, некоторых африканских государствах и даже в Европе), российский пример стал прямым руководством к действию. Антикультовые представители из-за рубежа получили готовый шаблон — от юридических формулировок до пропагандистских нарративов, — который можно адаптировать для оправдания гонений на религиозные группы, представляя их как угрозу обществу.

В странах, где Свидетели Иеговы и другие меньшинства уже сталкивались с трудностями (например, в Эритрее, где их преследуют десятилетиями), российский прецедент придал местным антикультистам дополнительную уверенность и

ожесточенность. Это позволило им лоббировать более жесткие меры, превращая локальные конфликты в системные репрессии.

В итоге начался медленный, но неуклонный процесс «закручивания гаек» по всему миру, где антикультисты, вдохновленные российским успехом, активно расшатывают демократию. Если раньше авторитарные режимы или группы влияния ограничивались локальными штрафами, отказами в регистрации или краткосрочными арестами, то теперь в их арсенале появился опыт тотальной ликвидации, что напрямую нарушает права человека на свободу вероисповедания и ассоциаций. Это не только подрывает основы демократических обществ, но и способствует росту нетерпимости, поляризации и эрозии международных норм и прав человека.

Антикультовая машина подавления, спроектированная и запущенная РАЦИРС в России, оказалась пугающе универсальной. Она преодолела национальные границы, превратившись из инструмента внутренней политики в оружие глобальной гибридной войны. Экспорт ненависти стал прибыльным делом, приносящим геополитические дивиденды.

Через «франшизу на репрессии» авторитарные режимы получают готовые лекала для подавления инакомыслия. Через лояльные лоббистские структуры вроде FECRIS эта ядовитая антикультовая, нацистская идеология проникает в международные институты, отравляя их изнутри. А прецедент, созданный запретом Свидетелей Иеговы, как

камень, брошенный в воду, порождает круги репрессий по всему миру.

Международная сеть ненависти — это не просто метафора. Это реальность. Это альянс антикультовых представителей, спецслужб, радикальных идеологов и циничных пропагандистов, объединенных общей целью: уничтожить пространство свободы. И война против «сект», начавшаяся в России, — это лишь один из фронтов их глобального наступления на права человека. Именно так, шаг за шагом, страна за страной, международная антикультовая сеть ненависти пытается перекроить карту мира, заменяя свободу страхом, а демократию — диктатурой.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История преследований Свидетелей Иеговы в России — это не закрытая глава прошлого, а предупреждение, которое звучит все громче и отчетливее. Эти преследования стали частью отработанного антикультового сценария: сначала — маркировка «опасного инаковерия», затем — создание общественной угрозы, потом — криминализация мирной религиозной практики, и, наконец, институционализация репрессий. Как когда-то «фиолетовый треугольник» в нацистских лагерях стал полигоном для отработки репрессивных технологий, так и в современной России клеймение малых конфессий и независимых общин стало лабораторией для более масштабного наступления на свободы.

Ключевую роль в этом процессе сыграли Александр Дворкин и его антикультовая сеть, выступающие под флагом «борьбы с сектами», но фактически создающие идеологическую платформу для разрушения прав человека и демократических институтов. Их риторика опирается на демонизацию инаковерующих, подмену правового анализа псевдонаучными штампами и сфабрикованными экспертизами, а также на систематическое размывание фундаментальных принципов свободы совести. Под влиянием антикультовых представителей государственные структуры получили оправдание для вмешательства в частную жизнь, религиозную практику и гражданскую самоорганизацию. И там, где общество привыкло видеть «экспертов по опасным культам», на деле возник институт идеологического надзора,

легитимирующий гонения и репрессии против мирных граждан.

Так, под влиянием антикультистов, формировалась новая, мессианская доктрина, раскалывающая мир на «Святую Русь» и «сатанизированный Запад» и оправдывающая любое насилие якобы высшими целями. Этот дискурс — не просто внешняя идеология, а способ укрепить власть и подавить гражданское общество. В такой конструкции любая независимая община — религиозная, правозащитная, культурная — объявляется «чужеродной» или «враждебной» по определению, а государственно-правовые инструменты используются для карательной политики.

Бездна, в которую так настойчиво всматривалось государство по наущению антикультистов, всё разыскивая «секты» и «врагов», ответила зеркалом: в нем проступил лик нового нацизма, готового жечь в печах собственных граждан.

Именно поэтому борьба с антикультовым движением как системой нарушений прав человека — не вопрос узкой религиозной свободы, а ядро повестки сохранения демократии. Там, где сегодня криминализуют мирные собрания и богослужения, завтра с тем же жаром объявят преступлением независимую журналистику, профсоюзную деятельность, научную дискуссию. Когда сфабрикованная экспертиза подменяет право, ложь подменяет совесть, а пропаганда — истину, общество скатывается к состоянию, где насилие становится нормой, а разум — ересью.

Остановить этот спуск можно только совместными усилиями. Внутри страны — через правовую защиту и документирование нарушений, через поддержку независимых медиа и просвещение, возвращающее смысл словам «свобода вероисповедания» и «достоинство личности». Вне страны — через последовательную международную правозащиту, санкции, адресующиеся конкретным организаторам репрессий, через поддержку гражданского общества и межконфессионального диалога, а так полный запрет нацистской антикультовой деятельности.

Демократия начинается с защиты самых уязвимых — тех, кого проще всего клеймить и изолировать. Если человечество хочет жить в свободном демократическом обществе — ему необходимо вернуть правильный моральный компас политике. Признать, что свобода совести — не привилегия, а фундамент равноправного мира; что права меньшинств — не уступка, а стержень правопорядка. Лишь остановив антикультовую деятельность и восстановив верховенство права, мы лишим силы эту античеловеческую машину ненависти и вернем обществу свободу и демократию.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

### Научные статьи

1. Beliakova N., & Kliueva, V. (2023). Anti-Cult Movement and Religious Freedom for Religious Minorities in the Russian Arctic. *Religions*, 14(8), 1062. [MDPI](#)
2. Berzano L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-Cult Ideology and FECRIS: Dangers for Religious Freedom. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 3–24. [cesnur.net](#)
3. Church of Scientology. (2010, June 28). *Russia: Wide-Ranging Crackdown on Religions* (PC.NGO/11/10, Executive Summary). OSCE High-Level Conference on Tolerance and Non-Discrimination, Astana, Kazakhstan, 29–30 June 2010. [ОБСЕ](#)
4. Fautré W. (2022). Anti-Cult Wars in Europe: FECRIS, Alexander Dvorkin and Others. The Case of the Applied Sciences Association in Odessa. *The Journal of CESNUR*, 2(3), 4. [cesnur.net](#)
5. Shterin M. S., & Richardson, J. T. (2002). The Yakunin vs. Dvorkin Trial and the Emerging Religious Pluralism in Russia. *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 22(1), Article. [digitalcommons.georgefox.edu](#)
6. Schexnaydre D. (2025, July). Russia's Persecution of Religious Groups and FoRB Actors (USCIRF Country Update: Russia). United States Commission on International Religious Freedom. [uscirf.gov](#)

7. Morton J. (2020, July). The Anti-cult Movement and Religious Regulation in Russia and the Former Soviet Union (USCIRF Anti-Cult Update). United States Commission on International Religious Freedom. [uscirf.gov](https://uscirf.gov)

## **Отчёты и национальные документы**

1. U.S. Department of State. (2023). 2023 Report on International Religious Freedom: Russia. [Государственный департамент США](#)
2. U.S. Department of State. (2023). 2022 Report on International Religious Freedom: Russia. [Государственный департамент США](#)
3. Open Doors International / World Watch Research. (2025, January). Russian Federation: Persecution Dynamics (WWL-2025). [opendoors.org](https://opendoors.org)
4. Human Rights Watch. (2020). Russia: Events of 2019 (World Report 2020). [hrw.org/russia2020](https://hrw.org/russia2020)

## **Нормативные акты и судебные решения**

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. по делу № АКПИ17-27.

3. Европейский суд по правам человека. Постановление по делу *Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia*, 2022.

### **Исследования по антикультизму**

1. Actfiles. What Is Behind the Genocide of Jehovah's Witnesses in Russia? The Beastly Face of Anticultism <https://actfiles.org/the-beastly-face-of-anticultism/>
2. Korin A. (2025). Садизм под прикрытием Кремля [ePub]. Анета Корин.
3. Richardson J.T. Managing Religion and the Judicialization of Religious Freedom. — Springer, 2019.
4. Штерин М. Антикультовое движение в России и его влияние на религиозную политику. *Journal of Church and State*, 2011.